

Романова, Елена Алексеевна; Паршукова, Надежда Алексеевна

Проблема интерпретации исторического контента в диологии В. Ф. Одоевского «Саламандра»

Opera Slavica. 2023, vol. 33, iss. 3, pp. 29-41

ISSN 1211-7676 (print); ISSN 2336-4459 (online)

Stable URL (DOI): <https://doi.org/10.5817/OS2023-3-7>

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/79381>

License: [CC BY-SA 4.0 International](#)

Access Date: 28. 11. 2024

Version: 20240131

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Проблема интерпретации исторического контента в дилогии В. Ф. Одоевского «Саламандра»

The Interpretation’s Problem of Historical Content in the Vladimir Odoevsky’s Dilogy “Salamander”

Елена Алексеевна Романова — Надежда Алексеевна Паршукова

(Санкт-Петербург, Россия)

Абстракт:

В статье подвергается критике долгое время доминировавший в российском литературоведении сугубо рационалистический метод «исторической интерпретации» мистико-фантастических произведений русского романтизма, в частности, одной из таинственных повестей В. Ф. Одоевского — дилогии «Саламандра». Выявляются возникающие при подобном подходе очевидные противоречия и натяжки в интерпретации ее основной идеи и сюжета. Проводится сравнительный анализ исторического романа А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» и мистической повести В. Ф. Одоевского «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия» на предмет выявления принципиальных расхождений в изображении Петра I.

Ключевые слова:

В. Ф. Одоевский; русский романтизм; таинственные повести; «Саламандра»; «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия»; «Эльса»; «Арап Петра Великого»

Abstract:

The article criticizes the purely rationalistic method of “historical interpretation” of mystical-fantastic works of Russian Romanticism, which has long dominated

the Russian literary criticism, in particular, one of the “mysterious stories” of V. F. Odoevsky—the dilogy “Salamander”. The authors highlight obvious contradictions and strains arising from such an approach in interpreting its main idea and plot. A comparative analysis of A. S. Pushkin’s historical novel “The Blackamoor of Peter the Great” and V. F. Odoevsky’s mystical story “The Southern Coast of Finland” reveals the principal differences in the portrayal of Peter the Great.

Key words:

V. F. Odoevsky; Russian Romanticism; mysterious stories; “Salamander”; “The Southern Coast of Finland”; “Elsa”; “The Blackamoor of Peter the Great”

Традиционно считается, что в «терминологически точном смысле слова» к разряду мистических произведений из «тайных повестей» В. Ф. Одоевского (1804–1869) относится только «Космополис»¹; в трех же других — «Сильфида», «Саламандра», «Орлахская крестьянка» — собственно мистика играет второстепенную, фактически служебную роль. Подобный подход, принятый на вооружение еще школой Белинского и возведенный в ранг незыблемого постулата в советское время, до сих пор занимает прочные позиции в российском литературоведении. В частности, анализируя повесть В. Ф. Одоевского «Саламандра», современные исследователи² во многом продолжают разработку концепции, которая была предложена полвека назад в статьях В. И. Сахарова³ и В. Фейерхерд⁴.

Обе упомянутые нами статьи, при бесспорных достоинствах — высоком профессионализме авторов, глубоком знании материала, наличии ряда оригинальных наблюдений, — имеют один существенный недостаток. Они появились в 1970-е годы, когда о мистических тенденциях в русском романтизме можно было говорить лишь эзоповым языком, с известными оговорками. Поскольку же В. Ф. Одоевский, как писатель пушкинского круга, приятель Гоголя и Белинского, почти автоматически попадал в разряд «представителей позднего прогрессивного романтизма»⁵, его «тайные повести» оказались

1 TUR'JAN, M. A.: «Strannaja moja sud'ba...»: O žizni V. F. Odojevskogo. Moskva: Kniga, 1991, s. 326.

2 См. указанные работы в библиографии к статье.

3 SACHAROV, V. I.: Ješće o Puškine i V. F. Odojevskom. In: IZMAJLOV, N. V. (red.): *Puškin: Issledovanija i materialy*. Leningrad: Nauka, 1979, t. 9, s. 224–230.

4 FEJERCHERD, V.: Romantizm i realizm v dilogii V. F. Odojevskogo «Salamandra». In: KULEŠOV, V. I. (red.): *Problemy teorii i istorii literatury: Sb. st.* Moskva: MGU, 1971, s. 175–187.

5 Там же, с. 187.

своеобразным плацдармом борьбы за «фантастический реализм» и «рациональную фантастику»⁶.

Четко следуя идейным установкам времени, и Сахаров, и Фейерхерд в работах, посвященных «Саламандре», концентрируют внимание главным образом на первой, «исторической» части дилогии — «Южный берег Финляндии в начале XVIII столетия». Второй, «мистической», части «Эльса» в обоих случаях уделяется несравненно меньше внимания.

Не имея формальных оснований для позиционирования второй части дилогии как *исторической повести*, В. Фейерхерд кардинально пересматривает ее идейный контент. Мистико-оккультный сюжет, составляющий основное содержание «Эльсы», фактически переводится в разряд стилистических средств выразительности, становится чем-то вроде развернутой аллегории к центральной идее дилогии — показать «созидаельную суть петровской эпохи» и осудить «застой и мракобесие послепетровского времени»⁷.

В том же историко-реалистическом ключе трактует дилогию и В. И. Сахаров. Он, как и В. Фейерхерд, убежден, что идейной доминантой «Саламандры» является отнюдь не мистико-оккультная тема — общение героев с миром стихийных духов. Главная цель повести — «дать картину петровской эпохи, ее героических дел и обыденного быта, показать живые лица участников исторических событий»⁸.

Для того чтобы вывести тему двоемирия из круга обсуждаемых проблем и перевалифицировать мистический пласт повести в «фантастический элемент», Сахаров прибегает к тому же приему, что и Фейерхерд: он переносит смысловой акцент дилогии со второй части на первую. В результате повесть «Эльса» обретает новое «историческое» прочтение, в ней обнаруживается «чисто романтический протест [...] против отрицательных последствий петровских реформ [...], утилитарного просвещения и прикладной науки, стремившихся

6 Даже такой серьезный и глубокий исследователь русского романтизма, как Ю. В. Манн, при анализе творчества Одоевского по большей части остается в русле общепринятой идеологической концепции. Вполне закономерно, что при таком подходе собственно «тайные повести» Манн всерьез не затрагивает, поскольку, надо полагать, прекрасно осознает: произведения, где «развиваются идеи общения двух миров, непосредственного контакта человека с помощью магнетизма, сомнамбулизма и т. д. — с миром духов» (MANN, Ju. V.: *Russkaja filosofskaja estetika*. Moskva: MALP, 1998, s. 161), достаточно проблематично представить как очевидный шаг писателя от мистицизма к реализму.

7 FEJERHERD, V.: *Romantizm i realizm v dilogii V. F. Odojevskogo «Salamandra»*. In: KULEŠOV, V. I. (red.): *Problemy teorii i istorii literatury: Sb. st.* Moskva: MGU, 1971, s. 187.

8 SACHAROV, V. I.: *Ješće o Puškine i V. F. Odojevskom*. In: IZMAJLOV, N. V. (red.): *Puškin: Issledovanija i materialy*. Leningrad: Nauka, 1979, t. 9, s. 227.

лишь к неглубоким знаниям и „низкой“ и „презренной“ пользе»⁹. Ничего собственно мистического ни Фейерхерд, ни Сахаров в повести не обнаруживают. «Загадочность», которая так огорчала в «Саламандре» В. Г. Белинского, по их твердому убеждению, не имеет отношения к основной идее произведения.

Иными словами, если следовать предложенной логике, примерно сорок страниц текста, насыщенных алхимической проблематикой, видениями, снами, странными необъяснимыми с точки зрения позитивизма событиями, потребовались Одоевскому только для того, чтобы разъяснить читателю «трагизм общественного положения» героя, «его разочарование в послепетровской эпохе»¹⁰. Явное противоречие, которое возникает внутри представленной трактовки, требует, на наш взгляд, кардинального пересмотра основных ее положений. В связи с этим прежде всего необходимо определить, какую роль в принципе в идейном содержании повести играет исторический контент и насколько правомерным является перенос смыслового акцента на первую часть дилогии.

В исследовательской литературе не раз указывалось, что обращению автора «Саламандры» к эпохе петровских реформ и к образу Петра «немало способствовал» незавершенный роман А. С. Пушкина «Арап Петра Великого» и что в принципе повесть Одоевского является творческим переосмысливанием этого пушкинского произведения¹¹. Согласно данной концепции, между двумя текстами существует ряд перекличек как на уровне сюжета, так и на уровне образного строя. В самом деле, главный герой Одоевского Якко имеет несомненное сходство с пушкинским Ибрагимом. Оба они — инородцы, принадлежащие к «дикому» племени; оба волею судьбы оказываются оторванными от корней. И в жизни арата Ибрагима, и в жизни финна Якко решающую роль играет русский царь: по приказу Петра I юноши отправляются на учебу в заморские страны. После обучения за границей молодые люди возвращаются в Россию и становятся участниками «великих свершений царя-труженика»¹². Отчасти сходен в рассматриваемых произведениях и мотив женитьбы.

И все же перечисленных совпадений, на наш взгляд, недостаточно для того, чтобы говорить об ощутимом воздействии пушкинского текста на сюжет и идею «Саламандры». Дело в том, что историческая часть (панорама петровской эпохи, образ самого царя, быт и дух времени, обстановка, исторические типажи), составляющая основу пушкинского романа, в повести Одоевского занимает

9 Там же, с. 229.

10 Там же, с. 185.

11 Там же, с. 227.

12 Там же.

весьма скромное место. В тексте «Саламандры» «великие преобразования» Петра по большей части остаются за кадром. Их «свидетель» и «участник», финн Якко, ни о чем не свидетельствует и почти ни в чем не участвует. Мы не знаем подробностей его жизни за границей, не видим его ни на службе, ни в кругу товарищей и соратников. Создается впечатление, что, кроме дома Зверевых, он вообще нигде не бывает и ничем не занят. Единственный выход главных героев в свет — посещение ассамблеи, но и здесь вместо исторического фона — обстановки, лиц, общей панорамы — мы имеем подробное описание картины на стене, изображающей берег Вуоксы. В ассамблее Егор Петрович встречает «голландского шкипера, который пригласил его на кружку пива и трубку табака»¹³. Вот, пожалуй, и все культурно-бытовые подробности, создающие в данной сцене колорит эпохи.

Совсем иначе описана ассамблея в «Арапе Петра Великого»: пушкинский текст плотно насыщен зрительными образами, предметами, костюмами, лицами; в нем все — от сальной свечи до канифасных юбок шкиперских жен — работает на создание исторического колорита, благодаря которому центральная фигура мизансцены — Петр — обретает жизненность и реальность. Петр у Пушкина — деятель, активный участник событий. Мы видим его за обедом в семейственном кругу, в клубах табачного дыма за игрой в шашки на ассамблее, за праздничным столом в доме боярина Ржевского, на невской набережной под руку со своим любимцем.

Гораздо менее активную роль в развитии сюжета играет Петр у Одоевского. Если не считать «Финской легенды», где царь вейнелейсов предстает в полу-мифическом образе чудо-героя, российский самодержец появляется в повести трижды. Первый раз — среди своего победоносного войска под Выборгом, второй — на ассамблее и, наконец, третий — в картине петербургского наводнения. Все явления Петра мимолетны и не несут на себе сюжетообразующей нагрузки. Петр у Одоевского мало похож на конкретное историческое лицо. Он возникает, подобно небожителю, из ниоткуда, озаряет всех своей улыбкой, ободряет павших духом, милостиво треплет по щеке отрока и даже что-то произносит, но что именно, мы не знаем. Он высок ростом и черноволос, перед ним все снимают шляпы. Вот, пожалуй, и все, что можно извлечь для характеристики Петра как действующего персонажа повести. В сцене ассамблеи, где было бы логично ожидать активного вмешательства царя в сюжетную канву, Петр не появляется вовсе, он даже не входит в залу, пребывая где-то за гранью реального действия, в «другой комнате» — невидимым, но лучезарным. Именно таким он и остается на всем протяжении повести. Все три эпизода с участием

13 ODOJEVSKIJ, V. F.: *Povesti*. Moskva: Sovetskaja Rossiya, 1977, s. 187.

Петра в «Саламандре» представляют собой своеобразные явления *без появления*, легко изымаемые из текста без каких-либо последствий для основной сюжетной линии.

Столь скромное присутствие российского самодержца в событийной канве, на наш взгляд, не дает оснований видеть в нем одного из «главных персонажей»¹⁴ первой части дилогии. В судьбе Якко встреча с Петром, без сомнения, сыграла решающую роль, однако вовсе не она оказывается в центре повествования.

Меж тем традиционно в научной литературе разговор о первой части дилогии вращается вокруг исторической проблематики, концентрируясь на двух знаковых в этом отношении фигурах — императоре Петре и бедном полудиком финне, которому посчастливилось стать «одним из орудий русского просвещения». При этом еще один персонаж повести — малышка Эльса, внутика старика-рыболова, в семье которого воспитывался Якко, — практически выпадает из поля зрения ученых. Причина, по которой происходит подобное упущение, очевидна. Дело в том, что образ Эльсы и ее роль в дилогии напрямую связаны с мистическим пластом текста, присутствие которого старательно умаляется в реалистической трактовке «Саламандры».

Если же взглянуть на «Южный берег Финляндии...», оставив в стороне историческую проблематику, то придется признать: главным персонажем данной повести является не Петр и даже не Якко, а Эльса — странное существо, обладающее чудесными сверхчувственными способностями. В завязке сюжета она играет ключевую роль. Ее видение влечет за собой череду трагических событий, которые круто меняют судьбы главных героев.

Все действие второй части «Южного берега Финляндии...» вращается вокруг этого необычного существа — «ведьмы» и «колдуньи», как прозвали ее обитатели женской половины дома Зверевых. И по объему, и по содержанию отрывок, посвященный столкновению бедной финки с представителями цивилизованного общества, занимает в повести центральное место, и Эльса является ключевой фигурой большинства его эпизодов.

Ее история существенно расширяет тематический спектр повести. Вместе с Эльсой в сюжет в качестве его важной составляющей входит так называемый «фантастический элемент». Присутствие его в «Южном береге Финляндии...» выражено много меньше, чем в «Эльсе». Однако он гораздо труднее поддается переквалификации в просветительскую «борьбу с мистицизмом». Фантастика здесь не получает ни двойной мотивировки, ни рационального объяснения и не снимается с помощью привычного научного инструментария — апелляции

¹⁴ PAŠAJEVA, T. N.: Postrojenje sjužeta fantastičeskoj povedi V. F. Odojevskogo «Salamandra». *Vestnik Dagestanskogo gos. un-ta, ser. 2 «Gumanitarnye nauki»*, 2017, t. 32, vyp. 2, s. 72.

ко сну или галлюцинациям. Видения Эльсы в первой части, в отличие от видений Якко во второй, происходят определенно наяву. И каждый раз в них присутствует нечто необъяснимое и необъясненное с позитивистской точки зрения. В первом случае девочка, глядя в огонь, видит гибель отца и это видение очень скоро находит подтверждение в реальности. Во второй раз в сомнамбулическом состоянии она начинает говорить с доктором-немцем на его родном языке, которого не знает и, в силу крайней ограниченности лингвистических способностей, знать не может.

Дальнейшее развитие мистической темы происходит во второй части дилогии. Здесь она становится основой сюжета, а также, что чрезвычайно существенно, его идеально-смысловым ядром. При этом, параллельно с повышением мистического градуса, в тексте заметно сокращается присутствие исторического пласта. Если в первой части «Саламандры» мы имеем хотя бы беглые зарисовки особенностей быта петровской эпохи, то во второй — действие происходит в условно очерченном пространстве с минимумом декораций и персонажей. Сюжет развивается, строго говоря, в историческом вакууме, полностью отсутствует городской колорит, из текста невозможно составить представления о том, что происходит в стране, как меняется жизнь после смерти Петра I, каково отношение к этим переменам различных классов общества и главное — что думает об этом центральный персонаж повести, финн Якко, большую часть жизни проводящий в некоем абстрактном помещении — «лаборатории» — перед алхимическим нагревательным аппаратом, вокруг которого в основном и сосредоточено действие повести.

На структурно-семантические различия двух частей дилогии обратил внимание еще П. Н. Сакулин. Он же предложил четкое жанровое разделение внутри текста. Первая часть была им определена как «исторический роман из времен Петра В.», вторая — как рассказ «в мистических тонах»¹⁵.

Данная концепция в основных чертах была принята не только российскими, но и зарубежными исследователями. Примером здесь могут служить работы известного британского русиста Нейла Корнуэлла, в характеристике дилогии «Саламандра» исходившего из классической сакулинской классификации, к тому времени уже канонизированной и закрепленной в науке советским литературоведением. Вслед за Сакулиным Корнуэлл утверждает, что в первой части повесть «имеет черты исторической новеллы и могла бы быть озаглавлена „Финн Петра Великого“» («The first part [...] has many of the characteristics of the historical novel and could almost have been entitled ‘The Finn of Peter the Great’»),

15 SAKULIN, P. N.: *Iz istorii russkogo idealizma: Knjaz' V. F. Odojevskij: Myslitel'. Pisatel'*: t. 1, č. 1–2. Moskva: M. i S. Sabašnikovy, 1913, s. 77–78.

во второй — «резко переходит в жанр готической повести» («In its second part [...] shifts dramatically into the genre of Gothic tale»), насыщенной алхимической проблематикой¹⁶.

Опираясь на разработки П. Н. Сакулина, советское литературоведение заметно расширило зону историзма в дилогии. Так, отвечая на вопрос, почему автор соединил в одно произведение две столь разные по жанровым основам повести, В. Фейерхерд при рассмотрении второй части сосредоточила внимание главным образом на поисках ее «исторического смысла», который в свое время не удалось обнаружить ни В. Г. Белинскому, ни П. Н. Сакулину. Идеологическая подоплека подобного подхода сегодня очевидна. Ради искусственного вживления «чила реализма» в абсолютно чужеродное для него художественное «тело» поисками этого «смысла» вынуждены были заниматься многие. Возможно, настало время взглянуть на известные произведения русского романтизма под иным углом зрения. Применительно к «Саламандре» попробуем перефразировать исходный вопрос В. Фейерхерд и попытаемся понять не столько, почему Одоевский соединил две несхожие по жанру части в одно произведение, сколько почему они у него таковыми вышли. Для этого нам придется рассмотреть историю создания дилогии.

Как заметил в свое время П. Н. Сакулин, «первоначальный план „Саламандры“ был иной. В общих чертах он соответствовал содержанию одной „Эльсы“, но без территориальной связи с Финляндией»¹⁷ и, заметим, без связи с Россией и петровской эпохой. Известно, что «Саламандра» писалась уже в 1838 году и предполагалась к публикации в журнале А. А. Краевского. Сохранились некоторые наброски общего замысла повести. Из них следует, что действие должно было происходить в Европе XVI века — сначала в Италии (Риме), затем — в Германии и во Франции. Завязка событий, как и в более поздней, «русифицированной», версии, происходила в лаборатории алхимика. Участниками ее должны были стать уже знакомые нам действующие лица — старик-алхимик, случайно задремавший у очага, и его молодой, более удачливый помощник, которому явившаяся в огне Саламандра открывает тайну «делать золото».

Позднее, судя по ремарке на полях рукописи, Одоевский решил, не меняя основной идейной коллизии, переместить действие в Россию, «во времена Петра Великого»¹⁸. Под воздействием каких идей или обстоятельств в сюжете повести

16 CORNWELL, N.: *Vladimir Odoevsky and romantic poetics: collected essays*. Oxford: Berghahn Books, 1998, s. 152.

17 SAKULIN, P. N.: *Iz istorii russkogo idealizma: Knjaz' V. F. Odoevskij: Myslitel'*. Pisatel': t. 1, č. 1–2. Moskva: M. i S. Sabašnikovy, 1913, s. 75.

18 Там же.

произошла кардинальная смена декораций и хорошо изученный автором в ходе многолетней работы над романом «Иордано Бруно» итальянский контекст неожиданно получил русско-финскую «прививку»? Прояснить этот вопрос нам поможет история создания первой части дилогии — повести «Южный берег Финляндии...».

Известно, что данная повесть была написана Одоевским под влиянием серии статей Я. К. Грота, опубликованных в «Современнике» в 1839–1840-х годах. Это следует как из примечаний самого автора, так и из сопоставительного анализа финских реалий текста с публикациями Грота. Однако, как правило, вне поля зрения исследователей остается в связи с «Южным берегом...» вопрос о причинах обращения писателя именно в это время к материалам, связанным с историей Финляндии, ее бытом, этнографией, мифологией. Как заметил еще П. Н. Сакулин, Одоевский «знал Финляндию по непосредственным наблюдениям». Но своим знанием ее духовной жизни он был обязан главным образом Я. К. Гроту¹⁹.

Именно Грот в 1840 году привлек Одоевского в качестве почетного гостя к празднованию двухсотлетнего юбилея императорского Александровского университета в Гельсингфорсе. Торжества, включавшие в себя официальные церемонии, балы и обеды, проходили с особым размахом в течение нескольких дней на разных площадках города²⁰. Среди непосредственных участников событий — ректор Санкт-Петербургского университета П. А. Плетнев, камергер князь В. Ф. Одоевский, камер-юнкер граф В. А. Соллогуб. После череды торжественных мероприятий возникла идея совместного сборника, который включал бы произведения русских и финских писателей. Издание его было поручено Я. К. Гроту. С просьбой поучаствовать Грот обратился к писателям, которые присутствовали на праздновании.

Среди выбранных им авторов были князь В. Ф. Одоевский и граф В. А. Соллогуб. Письма Грота к Плетневу августа–октября 1840 года содержат неоднократные напоминания о существовавших между Одоевским, Соллогубом и Гротом договоренностях и просьбы к старшему коллеге поторопить авторов с высылкой текстов. В конце августа Грот, озабоченный судьбой сборника, писал: «Одоевского тормошите чаще; не жалейте этой княжеской крови, болтайте ее без пощады! без этого тотчас застоится. Да и Сологуба-то возьмите в руки, когда он воротится. Помните: к середине октября статьи

19 Там же, с. 76.

20 Подробное описание торжественных мероприятий оставил П. А. Плетнев, присутствовавший на них в качестве официального лица. См.: ROMANOV, A. N.: Dvuchsotletnij jubilej Aleksandrovskogo universiteta. *Sovremennik*, 1840, t. 20, s. 5–23.

должны быть у меня»²¹. Но петербургские корреспонденты с выполнением взятых на себя обязательств не слишком спешили.

Лишь 10 декабря, с извинениями за непредвиденную задержку, Одоевским в Гельсингфорс была отправлена обещанная для русско-финского альманаха «статья» — рассказ «Необойденный дом». Однако из сопроводительного письма следует, что к публикации в гельсингфорском сборнике он готовил изначально не этот текст, а повесть «Южный берег Финляндии...»²². Но, по его собственному признанию, повесть «так разрослась», что от ее выхода именно в этом издании пришлось отказаться. В итоге она появилась в альманахе «Утренняя заря на 1841 год»²³.

Отзывы современников об этом произведении оказались крайне противоречивыми. Как известно, высоко оценил «Южный берег Финляндии...» В. Г. Белинский. Резко отрицательно отнесся к повести Я. К. Гrot — ее главный «заказчик» и вдохновитель. Судя по письму к Плетневу, Грота, как серьезного ученого, занимавшегося историей, бытом, культурой Финляндии, не удовлетворило качество проработки этнографического пласта текста. В повести Одоевского им был обнаружен ряд фактических неточностей и ошибок. По всей видимости, у автора, ограниченного тематикой и сроками, не хватило ни сил, ни времени всерьез погрузиться в исторические штудии. Как признавался сам Одоевский, в «Южном береге Финляндии» он основательно «пощечился» вокруг статей Грота²⁴, которые, собственно, и стали основным, если не единственным, источником финского колорита повести.

Таким образом, история создания текста с очевидностью свидетельствует о том, что финские реалии, а вместе с ними и эпоха петровских преобразований попали в «Саламандру» по воле обстоятельств. Желая в срок выполнить просьбу Я. К. Грота, Одоевский, по всей видимости, обратится к уже имевшимся в его творческом портфеле планам и наброскам. Так, думается, и возникла идея переноса чисто итальянской истории на русско-финскую почву. При этом ядро сюжета — вторая часть дилогии — менее всего пострадало от смены исторических реалий. Главным вместилищем историко-этнографического контента стала повесть «Южный берег Финляндии...», занявшая в конечном итоге (в собрании сочинений 1844 года) место развернутой преамбулы к основному тексту — повести «Эльса».

21 GROT, K. Ja. (red.): *Perepiska Ja. K. Grota s P. A. Pletnevym*: t. 1–3. Sankt-Peterburg, t. 1, s. 33.

22 Там же, с. 676.

23 Вторая часть «Саламандра» вышла в журнале «Отечественные записки» в 1841 году. Позднее Одоевский объединил их в единое произведение («Саламандра»), которое появилось в собрании сочинений 1844 года. Вторую часть озаглавил «Эльса».

24 Там же, с. 676.

Общее название дилогии — «Саламандра» — также подтверждает нашу версию о расстановке тематических акцентов внутри повести. Самим своим существованием оно указывает на то, что идейную основу обеих частей, объединяющую их, составляет не «апофеоз петровской эпохи», а мистический сюжет об общении человека со стихийными духами. Как мы попытались показать с помощью биографического материала, петровская эпоха в принципе не являлась исходной точкой сюжета. Первоначально местом действия мыслилась Европа XVI века. Лишь позднее, в силу обстоятельств, возникла идея перенести происходящее «во времена Петра Великого». Следовательно, нет оснований предполагать, что главной целью повести было «дать картину петровской эпохи». Россия времен Петра в тексте является лишь своего рода декорацией. Сюжет о юноше-алхимике, о его общении с духом огня и трагических последствиях этого общения, составляющий смысловое ядро повести, свободно может быть помещен и в другой исторический контекст без ущерба главной идеи. Тогда как обратная процедура — изъятие мистической составляющей сюжета — превращает повесть в набор бессвязных отрывков, не дающих представления ни об эпохе царя-реформатора, ни о быте и нравах финского племени.

Деление на жанры в отношении двух частей «Саламандры», предложенное П. Н. Сакулиным и утвержденное в качестве неоспоримого факта советским литературоведением, нам представляется весьма условным. Нет серьезных оснований выделять первую часть повести как историческую новеллу. Присутствие в ней мистической составляющей так же неоспоримо, как и в рассказе об алхимических опытах молодого воспитанника «гнезда петрова». Более того, мистика является сюжетообразующим фактором первой части. С мифических рассказов старого финна и видений маленькой «дикарки» Эльсы у огня начинается повествование. Прозрение, полученное сомнамбулой с помощью «магии», или животного магнетизма, запускает сюжет: в результате — погибают старики-финны и Якко оказывается вовлеченным в водоворот российской истории. Столь же значимой для дальнейшего сюжета оказывается «сцена у огня» в доме Зверевых. Здесь раскрывается принцип взаимодействия Эльсы и ее «сестрицы» Саламандры и определяется характер отношений Якко со стихией огня.

При этом сколь угодно долго можно рассуждать об историческом фоне повести, об оценке Одоевским личности Петра и петровских реформ²⁵, о том, насколько трагическая судьба Якко «является отражением пороков и пробелов

25 SACHAROV, V. I.: Ješće o Puškine i V. F. Odojevskom. In: IZMAJLOV, N. V. (red.): *Puškin: Issledovanija i materialy*. Leningrad: Nauka, 1979, t. 9, s. 229.

государственного строя»²⁶, но к пониманию главной идеи дилогии подобного рода исторические штудии ни в коей мере не приближают. Совершенно очевидно, что связующим звеном между двумя частями «Саламандры» является отнюдь не фигура Петра, не судьбы российского просвещения и российской науки, а мистико-оккультный сюжет, средоточием которого в первой части становится Эльса, во второй — старик-алхимик и Якко. Следовательно, мы имеем все основания рассматривать данное произведение как единый текст — мистико-философскую повесть об общении человека со стихийными духами. А судя по финальным событиям и трагической развязке, мы вновь выходим на центральную идею мистических повестей Одоевского: мысль «о том, как опасно человеку водиться с стихийными духами»²⁷. Но это уже предмет для отдельного разговора.

Библиография:

- BABAJEVA, Z. È.: Istoricheskaja interpretacija sjužeta povesti V. F. Odojevskogo «Salamandra». *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 2012, № 4 (15), s. 27–30. ISSN 2782-4543.
- CORNWELL, N.: *Vladimir Odoevsky and romantic poetics: collected essays.* Oxford: Berghahn Books, 1998, 174 p. ISBN 1-57181-907-X (alk. paper).
- FEJERCHERD, V.: Romantizm i realizm v dilogii V. F. Odojevskogo «Salamandra». In: KULEŠOV, V. I. (red.): *Problemy teorii i istorii literatury: Sb. st.* Moskva: MGU, 1971, s. 175–187.
- GROT, K. Ja. (red.): *Perepiska Ja. K. Grot s P. A. Pletnevym:* t. 1–3. Sankt-Peterburg, 1896.
- MANN, Ju. V.: *Russkaja filosofskaja èstetika.* Moskva: MALP, 1998, 381 s. ISBN 5-88091-041-5.
- ODOJEVSKIJ, V. F.: *Povesti.* Moskva: Sovetskaja Rossija, 1977, 448 s.
- PAŠAJEVA, T. N.: Postrojenije sjužeta fantastičeskoj povesti V. F. Odojevskogo «Salamandra». *Vestnik Dagestanskogo gos. un-ta, ser. 2 «Gumanitarnye nauki»*, 2017, t. 32, vyp. 2, s. 69–76. ISSN 2542-0313.

26 BABAJEVA, Z. È.: Istoricheskaja interpretacija sjužeta povesti V. F. Odojevskogo «Salamandra». *Filologičeskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* 2012, № 4 (15), s. 29.

27 Именно так определил главную тему сам Одоевский. Цит. по: SAKULIN, P. N.: *Iz istorii russkogo idealizma: Knjaz' V. F. Odojevskij: Myslitel'.* Pisatel': t. 1, č. 1–2. Moskva: M. i S. Sabašnikovy, 1913, s. 68.

- PEKŠIJEVA, M. V.: *Obraz Sampo v povesti V. F. Odojevskogo «Salamandra»*. *Učenyje zapiski Petrozavodskogo gos. un-ta*, 2012, nojabr', № 7, t. 2, s. 85–87. ISSN 2542-1077.
- ROMANOV, A. N.: Dvuchsotletnj jubilej Aleksandrovskogo universiteta. *Sovremennik*, 1840, t. 20, s. 5–23.
- SACHAROV, V. I.: Ješće o Puškine i V. F. Odojevskom. In: IZMAJLOV, N. V. (red.): *Puškin: Issledovanija i materialy*. Leningrad: Nauka, 1979, t. 9, s. 224–230.
- SAKULIN, P. N.: *Iz istorii russkogo idealizma: Knjaz' V. F. Odojevskij: Myslitel'. Pisatel'*: t. 1, č. 1–2. Moskva: M. i S. Sabašnikovy, 1913.
- TUR'JAN, M. A.: «*Strannaja moja sud'ba...*»: O žizni V. F. Odojevskogo. Moskva: Kniga, 1991, 400 s. ISBN 5-212-00457-8.
- ZIMILEVA, A. O.: Poètika fantastičeskogo v povestjach V. F. Odojevskogo (K postanovke problemy). *Vestnik Tverskogo gos. un-ta, ser. «Filologija»*, 2016, № 1, s. 293–297. ISSN 1994-3725.

About the authors

Elena Alexeyevna Romanova

independent researcher, Saint-Petersburg, Russia

zerlina@inbox.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6162-1383>

Nadezhda Alexeyevna Parshukova

independent researcher, Saint-Petersburg, Russia

iverskaya-nad@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7026-3856>

This work can be used in accordance with the Creative Commons BY-SA 4.0 International license terms and conditions (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/legalcode>). This does not apply to works or elements (such as images or photographs) that are used in the work under a contractual license or exception or limitation to relevant rights.

